

ЭТНОРЕЧЕВЫЕ ЗАПРЕТЫ В СТРУКТУРЕ КОНФЛИКТНОГО ДИСКУРСА

© Илсояр Садыкова

ETHNO-SPEECH TABOOS IN CONFLICT DISCOURSE

Isoyar Sadykova

The article raises the issue of ethno-speech taboos in the structure of conflict discourse, which reflects the reverse side of successful communication: verbal conflict, including such components as communication failures and misunderstandings. We suggest that ethno-speech taboos should be considered a separate area of conflict discourse, since the violation of these taboos is regarded as a violation of conventional communication norms. In our research, we describe and analyze the functional model of conflict discourse, which manifests itself as a complex multi-level and multi-component structure. Within the structure, two kinds of statements are analyzed: utterances of adjustment and subsequent utterances of infringement. It is the utterance of adjustment that shows that communication has failed, when the norms of communicative silence, underlying ethno-speech taboos, have been broken. It is made clear by different linguistic markers and their linguistic analysis allows us to structure ethno-speech taboos. These conflict markers differ in their grammatical meaning and semantics, banning speech production, or interpreted as a taboo on speech production within the discourse of conflict. The research enables us to conclude that the violation of communication rules with respect to ethno-speech taboos leads to a conflict of interests between interlocutors and, as a result, causes disharmony in communication. We believe that the research results can shed light on the conflicting verbal behavior of a linguistic personality and contribute to the study of verbal conflicts and conflict discourse.

Keywords: ethno-speech taboos, conflict discourse, discourse markers of conflict, verbal conflict, communication failure, utterances of adjustment.

В статье ставится вопрос о месте этноречевых запретов в структуре конфликтного дискурса, отражающего обратную сторону успешной коммуникации: речевой конфликт, в том числе такие его составляющие, как коммуникативные неудачи, помехи и сбои в коммуникации. Предлагается выделить этноречевые запреты в отдельную область конфликтогенов, поскольку нарушение подобных запретов расценивается как нарушение конвенциональных коммуникативных норм. В работе представляется и описывается функциональная модель конфликтного дискурса, которая наруживает себя как сложная многоуровневая и многокомпонентная структура. В данной структуре анализу подвергаются два вида высказываний: высказывание-корректив и породившее его высказывание-нарушение. При этом именно высказывание-корректив выступает сигналом того, что в коммуникации произошел сбой: нарушена коммуникативная норма молчания, которая лежит в основе этноречевых запретов. Об этом свидетельствуют различные языковые маркеры, лингвистический анализ которых позволяет составить типологию этноречевых запретов. Перечисленные в статье группы средств относятся к маркерам конфликтности, которые представляют собой разноплановые в смысле грамматического построения и лексического наполнения языковые средства с семантикой запрета на речепроизводство или интерпретируемые в пределах конфликтного дискурса как запрет на речепроизводство. Делается вывод о том, что нарушения коммуникативных правил этноречевых запретов приводят к конфликту интересов оппонентов коммуникации и, соответственно, к дисгармоничному диалогу. Полагаем, что результаты анализа могут пролить свет на речевое конфликтное поведение языковой личности и внести вклад в изучение феноменов речевого конфликта и конфликтного дискурса.

Ключевые слова: этноречевые запреты, конфликтный дискурс, маркеры конфликтности, речевой конфликт, коммуникативный сбой, высказывания-коррективы.

Введение. В последние несколько десятилетий активно разрабатываются и получают широкую научную интерпретацию проблемы дискур-

са, имеющего на сегодняшний день терминологическую неоднозначность. Несмотря на дискуссионность в подходе к определению дискурса,

исследователи сходятся в одном: дискурс – это «речь, которая несет в себе определенную информацию, мнение и позицию говорящего по отношению к определенному объекту или ситуации общения» [Ли Же, с. 222].

Следует отметить, что большая часть имеющих на сегодняшний день лингвистических разработок дискурса стремится описать особенности главным образом феномена коммуникативного успеха. Однако известно, что в круг интересов исследователей постепенно стали входить и такие явления, как коммуникативные неудачи, помехи и сбои в коммуникации, коммуникативные провалы, языковой / речевой конфликт, составляющие оборотную сторону успешной вербальной коммуникации [Белоус, с. 1].

Разрабатывая концепцию русского речевого конфликта, В. С. Третьякова определяет его как воплощение противостояния коммуникантов в коммуникативном событии, обусловленном различными факторами (психическими, социальными, этическими), экстраполяция которых происходит в речевой ткани диалога. По мнению исследователя, он возникает на почве несоответствия речевых действий, когда «одна из сторон в ущерб другой сознательно и активно совершает речевые действия, которые могут выражаться негативными средствами языка и речи» [Третьякова, с. 144]. Хотя М. Ю. Сейранян замечает, что речевой конфликт может носить и неосознанный характер в случае, когда субъекты дискурса в силу своей неосведомленности и / или принадлежности к другому лингвокультурному сообществу не учитывают специфики норм речевого поведения в предлагаемых обстоятельствах [Сейранян, с. 40].

Итак, на сегодняшний день наиболее перспективной считается разработка вопросов конфликтного дискурса, в частности, актуальным становится вопрос о различении контекстов конфликтного дискурса. Такой функциональный подход к анализируемому дискурсу обусловлен тем, что речевое поведение в нем «характеризуется многообразием форм, языковой манифестацией ролевых исполнений, спецификой норм и правил интерактивной деятельности собеседников, на которые опирается рассогласованная речевая коммуникация» [Белоус, с. 5]. Перечисленные факторы, несомненно, вызывают определенные трудности при построении модели конфликтного дискурса. Между тем ученые предлагают решать конкретные коммуникативные задачи в конфликтной интеракции посредством анализа регулятивов, которые, представляя набор функционально-прагматических единиц, становятся маркерами речевого и (шире) коммуникативного конфликта. На базе выявленных марке-

ров речевого конфликта строится множественность параметров и компонентов коммуникативных сценариев и речевых моделей гармонизации потенциально и реально конфликтного общения.

Справедливо замечание Н. А. Белоус о том, что единицей референции модели функционирования конфликтного дискурса является ситуация – фрагмент действительности, «познаваемый, осмысленный, описанный и преобразуемый в ходе отдельного акта речевой коммуникации» в конфликтный дискурс. Коммуникативная ситуация является субъективной деятельностью оппонента и определяется его мировоззрением, коммуникативным и жизненным опытом, целями и задачами, которые он стремится реализовать в процессе конфликтного дискурса [Белоус, с. 16]. В рамках данной работы такой ситуацией становится ситуация нарушения коммуникативной нормы молчания и соответствующей его коррекции.

Результаты.

Итак, в структуре конфликтного дискурса нами выделяются высказывания-коррективы (корректирующие высказывания), включающие разноплановые в смысле грамматического построения и лексического наполнения языковые средства с семантикой запрета на речепроизводство (*Молчи!*, *Не смейте мне так говорить!*) или интерпретируемые в пределах данного дискурса как запрет на речепроизводство (*Не учи меня!*, *Ты меня не оскорбляй.*). Подобные языковые средства рассматриваются нами как маркеры конфликтности, поскольку они прямо или опосредованно указывают на то, что в речевом общении произошел сбой: нарушена коммуникативная норма молчания. Заметим, что такое коммуникативно значимое молчание является формой реализации этноречевых запретов, под которыми нами понимается «имплицитно существующая в том или ином этносе система коммуникативных речевых правил, <...> которые не имеют вербальной альтернативы в виде высказываний, соответствующих коммуникативной норме этноса» [Садыкова, с. 61]. А корректирующие высказывания являются той коммуникативной зоной, где происходит речевая манифестация этноречевых запретов.

Представим в одном примере две функциональные модели конфликтного дискурса, в котором реализуются две жанровые разновидности этноречевых запретов: жанр назидания (Модель I) и жанр критики (Модель II) в дуальной оппозиции «старший» ↔ «младший»:

Модель I.

Остроушко. (Степаниде.) **А вы что**, извиняюсь, **над нами сидите?** Диван, что ли боитесь, унесем?

Степанида. А ты **не груби, не груби**. (Усаживается плотнее.)

Остроушко. С вами, ясное дело, не унесем... Не осилим.

Модель II.

Степанида. Где уже тебе, **косопузому**...

Остроушко. Степанида Герасимова, мы при исполнении, мы работаем не прикладывая рук...

Степанида. **Твоя работа известна – языком трепать**.

Остроушко. Я считаю, Степанида Герасимовна, **ваша старость останавливает меня отвечать вам на том вульгарном интеллекте, которым вы пользуетесь** [Кузнецов, с. 102].

В приведенном конфликтном дискурсе ярким сигналом того, что в коммуникации произошел сбой, являются высказывания-коррективы, содержащие запрет: (I) *А ты не груби, не груби* и (II) *Я считаю, Степанида. Герасимовна, ваша старость останавливает меня отвечать вам на том вульгарном интеллекте, которым вы пользуетесь* на использование коммуникантами жанра назидания (I) и жанра критики (II). При этом диапазон критики может быть весьма широким: это и отрицательная характеристика, и осуждение, и обвинение и т. д. [Садыкова, с. 124] В анализируемом контексте мы видим отрицательную характеристику как самой личности (*косопузому*), так и ее речевого поведения (*Твоя работа известна – языком трепать*). В подтверждение нашей точки зрения о существовании коммуникативных правил этноречевых запретов служит аргумент в пользу субъекта критики (*ваша старость*), не позволяющий ему использовать данный жанр по отношению к старшему по возрасту коммуниканту. Однако конфликт, как видим, уже состоялся.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что этноречевые запреты входят в ту область конвенциональных норм общения, которые прочно закреплены в дискурсивном сознании носителя языка, При их нарушении происходит столкновение иллюкативных целей, приводящее к взаимным обидам и оскорблениям. В результате одна из сторон, которая, как правило, находится в социальной, гендерной или возрастной оппозиции, чаще всего решает возникшую коммуникативную проблему конструктивно: посредством высказываний-коррективов (хотя мы не исключаем и того, что в силу различных причин оппонент, возможно, в ущерб себе может не вступать в оппозицию, стремясь к гармонизации общения).

Заметим также, что корректирующие высказывания уже становились объектом нашего ис-

следования. Так, в 2005 году была предпринята попытка их сопоставительного анализа на материале татарского и русского языков с последующей систематизацией. В том числе, на основе лингвокоммуникативного анализа высказываний-коррективов была составлена типология этноречевых запретов [Садыкова, с. 107–143]. Однако в силу того, что на тот момент не была предложена адекватная модель описания конфликтного дискурса, нами были избраны другие аспекты исследования. Новый подход к корректирующим высказываниям, вызванным нарушением правил этноречевых запретов, стал возможен благодаря разработкам последнего десятилетия в области конфликтологии, в частности, работам Н. А. Белоус, предложившей типовые модели функционирования конфликтного дискурса.

Итак, самую многочисленную группу маркеров конфликтности в анализируемом дискурсе составляют языковые единицы с семантическим ядром «прекращение любой деятельности, в том числе и речепроизводства». В данной группе выделяются языковые средства с семантикой достаточности (*Прекрати!* и т. д.); лексемы с общим значением оценки речевого поступка, чаще всего включающие в свой состав лексемы с морально-этической квалификацией действия: *стыдно, стыд, нехорошо* и т. д. (*Да как вам не стыдно! Ложь!* и т. д.); лексемы, содержащие прямую или косвенную оценку личности – субъекта нарушения коммуникативного правила этноречевого запрета (*Дурак, бросаешься словами!* и т. д.); конструкции, представляющие ненаправленную эмоциональную реакцию слушающего на нарушение этноречевого запрета (*Что?* и т. д.). В некоторых случаях подобные маркеры сопровождаются обращениями (или обращения выступают самостоятельно) с интонацией неодобрения, осуждения, приказа (*Женя!* и т. д.).

Следующую по количеству употреблений группу маркеров конфликтности в рассматриваемом дискурсе составляют языковые средства со значением призыва к «прекращению, приостановке и неосуществлению собственно речевой деятельности». Несмотря на то, что эти средства весьма разнообразны по семантике, тем не менее они также выступают индикаторами нарушения правил этноречевых запретов. К ним относятся: лексемы, обозначающие процесс речепроизводства вообще, например, *говорить, разговаривать, сказать, слова* и т. д. (*Не смейте мне так говорить!* и т. д.); лексемы, обозначающие процесс прекращения речепроизводства (*Помолчи! Заткнись!* и т. д.); фразеологизмы и лексемы с семами самого разного пласта (*Яйца курицу не*

учат, *Не учи меня! Ты меня не оскорбляй* и т. д.), интерпретируемые в пределах данного дискурса как запрет на речепроизводство; фразеологизмы с семантикой призыва к прекращению, приостановке или неосуществлению речедеятельности» (*Ты голоса не поднимай* и т. д.).

Заключение. Как можно заметить, перечисленные маркеры конфликтности позволяют различать контексты конфликтного дискурса. А их лингвистический анализ – решить конкретную задачу: «описать семиотическое пространство конфликтного дискурса» [Белоус, с. 7], возникшего как результат нарушения частных правил этноречевых запретов. Полагаем, что вопрос о маркерах конфликтности, направленных на регуляцию коммуникативного поведения личности в случае нарушения им правил этноречевых запретов, является актуальным и сегодня, в силу того что остается до сих пор недостаточно изученным. И, несомненно, результаты их анализа могут пролить свет на речевое конфликтное поведение языковой личности и внести вклад в изучение феномена конфликтного дискурса.

Список литературы

Белоус Н. А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Краснодар, 2008. 53 с. URL: <http://cheloveknauka.com/v/391969/a/?#?page=53> (дата обращения: 10.04.2016)

Кузнецов А. Признание в любви // Карьера Бекетова: Драмы и комедии. М.: Сов. писатель, 1977. 392 с.

Ли Же. Дискурс, в котором мы живем (к проблеме определения «дискурса») // Культура народов Причерноморья. 2004. № 54. С. 221–223. URL: <http://ru.convdocs.org/docs/index-117185.html> (дата обращения: 04.05.2016).

Садыкова И. А. Корректирующие высказывания в татарской и русской диалогической речи: на материале отражения нарушений этноречевых запретов в современной драматургии: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. 186 с.

Сейранян М. Ю. Основные подходы к анализу конфликтного дискурса // Вест. Моск. гос. обл.

ун-та. Серия «Лингвистика». 2003. № 10. С. 37–40. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/1437> (дата обращения: 12.03.2016)

Третьякова В. С. Конфликт как феномен языка и речи // Известия Уральского государственного университета. 2003. № 27. С. 143–152. URL: http://proceedings.usu.ru/proceedings/N27_03/win/16.html (дата обращения: 10.04.2016)

References

Belous, N. A. (2008). *Konfliktnyi diskurs v kommunikativnom prostranstve: semanticheskie i pragmaticheskie aspekty*: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Conflict Discourse in a Communicative Space: Semantic and Pragmatic Aspects: Doctoral Thesis Abstract]. – Krasnodar, 53 p. URL: <http://cheloveknauka.com/v/391969/a/?#?page=53> (accessed: 10.04.2016). (In Russian)

Kuznetsov, A. (1977). *Priznanie v liubvi. Kar'era Beketova: Dramy i komedii* [Declaration of Love // Beketov's Career: Dramas and Comedies]. 392 p. Moscow, Sov. pisatel'. (In Russian)

Li Zhe. (2004). *Diskurs, v kotorom my zhivem (k probleme opredeleniia «diskursa»* [The Discourse, in which We Live (on the Definition of "Discourse")]. *Kultura narodov Prichernomor'ia*, No. 54, pp. 221–223. URL: <http://ru.convdocs.org/docs/index-117185.html> (accessed: 04.05.2016). (In Russian)

Sadykova I. A. (2005). *Korrektiruiushchie vyskazyvaniia v tatarskoi i russkoi dialogicheskoi rechi: na materiale otrazheniia narusheniia etnorechevykh zapretov v sovremennoi dramaturgii*: dis. ... kand. filol. nauk [Utterances of Adjustment in Tatar and Russian Dialogical Speech: Based on Reflection of Violations of Ethno-Speech Taboos in Modern Drama: Ph.D. Thesis Abstract]. Kазan', 186 p. (In Russian)

Seiranian, M. Yu. (2003). *Osnovnye podkhody k analizu konfliktogennogo diskursa* [Conflict Discourse in Multidisciplinary Perspective]. *Vest. Mosk. gos. obl. un-ta. Seriya «Lingvistika»*, No. 10, pp. 37–40. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/1437> (accessed: 12.03.2016). (In Russian)

Tret'iakova, V. S. (2003). *Konflikt kak fenomen iazyka i rechi* [Conflict as a Phenomenon of Language and Speech]. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, No. 27, pp. 143–152. URL: http://proceedings.usu.ru/proceedings/N27_03/win/16.html (accessed: 10.04.2016). (In Russian)

The article was submitted on 12.05.2016

Поступила в редакцию 12.05.2016

Садыкова Илсояр Афтаховна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18
isadikova7@mail.ru

Sadykova I Isoyar Aftahovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
isadikova7@mail.ru